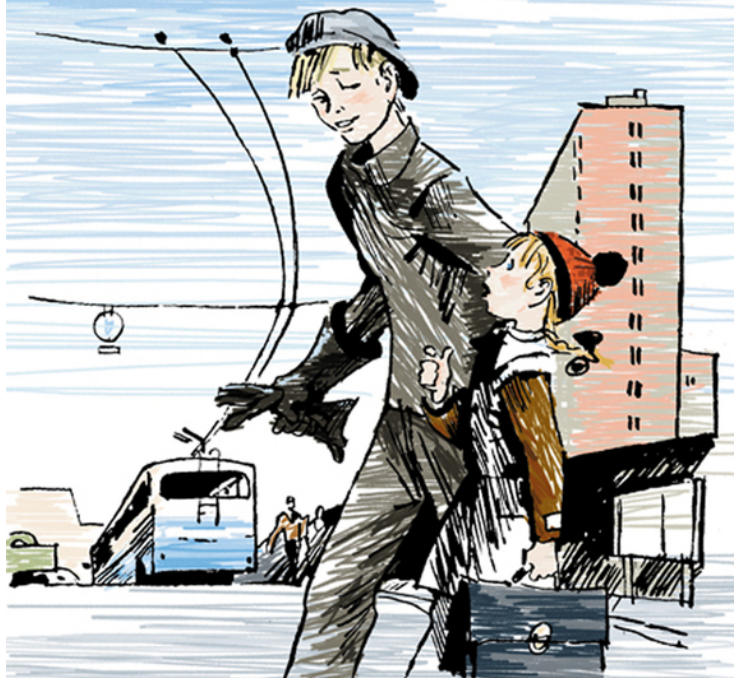

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Владимир Железников
**ЖИЗНЬ
И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЧУДАКА**

Владимир Карпович Железников
Жизнь и приключения чудака
(Чудак из шестого «Б»)
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8366467

Железников В. К. Жизнь и приключения чудака (Чудак из шестого «Б»):

Детская литература; Москва; 2014

ISBN 978-5-08-005203-3

Аннотация

В книгу известного детского писателя входит повесть о детях, об их родителях, о школе. Ее главный герой, Боря Збандуто, постоянно попадает в такие ситуации, когда надо принимать быстрые и верные решения.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Об авторе	6
В этого чудака стоит всмотреться...	8
Тетрадь с фотографиями	17
Конец ознакомительного фрагмента.	66

В. Железников

Владимир Железников

Жизнь и приключения

чудака (Чудак

из шестого «Б»)

© Железников В. К., 1974

© Акимов В. М., вступительная статья, 2004

© Гальдяев В. Л., наследники, иллюстрации, 1974

© Оформление серии, предисловие. Издательство «Детская литература», 2004

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Об авторе

Впечатления детства – самые сильные. До того как стать писателем, Владимир Железников успел узнать и по-видать немало. Мальчишкой (родился в 1925 году) он жил с отцом, который был военным, в пограничных городах Белоруссии и Прибалтики. Потом была Отечественная война, эвакуация, учеба в артиллерийском училище. Уже после войны В. Железников закончил юридический институт; дальше работал в журнале «Мурзилка» и снова учился, но теперь уже в Литературном институте им. А. М. Горького (1957), в семинаре Льва Кассиля.

Первая книга писателя «Разноцветные истории» вышла в 1960 году, когда В. Железникову исполнилось тридцать пять лет. Затем автором было написано много новых детских произведений, таких, как «Чудак из шестого "Б"» (в 1976 году книга удостоена Государственной премии), «Каждый мечтает о собаке», «Белые пароходы», «Хорошим людям – доброе утро» и другие. В 1981 году вышла замечательная, ставшая популярной книга «Чучело». Именно за нее В. Железников второй раз получил звание лауреата Государственной премии. За большую плодотворную работу в 1975 году писатель награжден орденом «Знак Почета». В. Железникову присуждались международные премии, особенно дорога автору премия имени Януша Корчака, которую

он получил за книгу из серии «Золотая библиотека» «Жизнь и приключения чудака», вышедшую в издательстве «Детская литература» (1974).

Сейчас В. Железников не пишет новые книги: он очень занят на своей киностудии «Глобус», где является художественным руководителем и генеральным директором. На студии снято более двадцати известных, любимых детьми полнометражных художественных фильмов, таких, как «Безумная Лори», «Русский бунт», «Радости и печали маленького лорда» и многие другие. Последний фильм «Игры мотыльков» вышел в 2003 году по книге В. Железникова «Чучело-2».

От редакции

В этого чудака стоит всмотреться...

Владимир Железников лет тридцать назад написал повесть о «чудаке» Борисе Збандуто. Но есть нестареющие книги. Более того, они готовят нас к тому, что будет. И сегодня это не только воспоминание о прочитанном, но и открытие того, что казалось раньше простым и обычным. Нет, не прост мир, в котором мы живем, – мир вокруг нас, мир в нас самих.

...В начале повести шестиклассник Борис Збандуто заявляет: «Я не люблю, когда меня постоянно воспитывают!» Так что – буду все делать наоборот? Но вдумаемся – это ведь обратная сторона, принятая среди молодежи. Поэтому у Бориса самоутверждение (доходящее порой до крайних амбиций) превращается в цепь самых настоящих испытаний. И как ему хочется быть победителем! Он демонстративно отрицает общепринятое. На вопрос: «Чем увлекаешься?» – дает гордый ответ: «Я? Исключительно ничем!» Вот вам! Я не такой, как все!

А на самом деле он, Борис Збандуто, – чуткий и отзывчивый парнишка. И поэтому он так остро переживает, казалось бы, обыкновенную, такую же, как у всех, жизнь. В нем все время живет напряженное чувство. «Посмотрим, поборем-

ся, не на таких наскочила», – подумал я». Но вот сработал у него «пунктик» амбиции: «...и тут же сделал все наоборот».

Самоутверждение все время делает его в глазах окружающих смешным, неудачливым, а то и нелепым. И все же внутренне – вот где главное! – он интуитивно устремлен к добру, хотя и сам это не всегда понимает. Потребность эта у него в глубине души, в отношении к миру, к другим людям. Поэтому он открыт перед другими (и, кстати, поэтому дает поводы для насмешек). И все же он – далеко не «стандартный» – добр и отзывчив, а добрые люди, как известно, вообще удобны для насмешек. Они не мстительны, не ошечиниваются. Таков и Борис, «чудак» в глазах многих. По сути, он всегда устремлен к людям, хотя и не всегда удачно это делает.

А все это оттого, что он еще не научился понимать и себя, и других. Эта способность вообще дается не всем, но она необходима, особенно в наше время, когда так много путаницы вокруг и в нас самих. И, разумеется, нужно начинать с самопознания... А там, смотришь, и другие становятся понятными, а значит – близкими и необходимыми.

Когда Борис встречается с Наташкой, чувствует ее простоту, непосредственность, искренность, ему самому становится легче и лучше. Зачем притворяться: «И самое удивительное – мне самому понравилось то, что я сказал правду. Это было что-то новое во мне и подозрительное».

Да нет – не нужно осуждать себя: «подозрительное»! Как раз искреннего самонаблюдения, самооценки нам так часто

не хватает! И внутренняя доброта просто обязывает человека «совершать разные поступки» – вот что обнаруживает Борис в себе. Интерес к *другим*! Как много он значит, но, к сожалению, не всем легко дается. Для Бориса это естественное состояние: «Вы когда-нибудь попробуйте всмотритесь в первоклассников. Это совершенно особенные люди. На их лица можно смотреть без конца. Они всегда живые: что на сердце, то и на лице». И он прав: как хорошо, когда лица человеческие *открыты*! И как печально смотреть на лица замкнутые, на лица-маски! Нельзя, плохо, страшно быть таким!

...Вспомним, что не раз Борис видит в своих подшефных первоклассниках людей *двадцать первого века*. Собственно, это видит Владимир Железников, видит вместе со своим «чудаком», вместе с нами – читателями. Поколению двадцать первого века так нужны человеческая теплота, отзывчивость, открытость. Ему *нужно быть нужным* – и себе и другим. Вот что дает почувствовать Борису – так просто, так естественно! – первоклассница Наташа. Вот почему при всем изобилии неожиданных и даже «скандальных» событий эта повесть конечно же о возникающей теплоте отношений, о том, что души людей (детей!) открыты для добрых чувств. Вот ведь как – обратите внимание – будут защищать первоклашки своего вожатого Борю, когда тот по стечению случайностей получит нахлобучку от директора школы: «Они прошли мимо серьезные, сосредоточенные, и каждый из них дотронулся до моей руки. В общем, они знали толк в челове-

ческой поддержке и подзарядили меня теплотой своих рук». И снова уже знакомый нам мотив: «Я же говорю, что они необыкновенные дети, из двадцать первого века. В них есть какая-то новая сила!» *Должна быть* – добавим от себя, когда двадцать первый век уже начался...

Вот откуда берется у «чудака» Бориса и у искренне понимающего его писателя Владимира Железникова, у нас, читателей, надежда на двадцать первый век. Мы видим тебя, поколение двадцать первого века, таким, каким встречаем в повести «Жизнь и приключения чудака»!

И еще добавлю: это живое, отзывчивое поколение. Да, сложное, да, порою самолюбивое, но самобытное и искреннее. Надеемся, что оно сохранит в себе все лучшее...

Борис нуждается в людях. Он тянется к ним. И они – к нему, к его теплу. Вот главное в этом «чудаке». Казалось бы, он не всегда внимателен к «ритуальным» жестам. Например, деньги, полученные от отца на подарок маме ко дню рождения, он расходует на другие неотложные нужды. Но все время дела Бориса живые, непоказные. Этим он осложняет свою жизнь. Но *этим и творит ее!* Так что оценим интуицию писателя: школьник конца двадцатого века (Борис) – пусть «чудак» для других (может быть, даже для себя), но на самом деле он творит главное: он на пути к себе – ЛИЧНОСТИ. Путь этот непрост, неровен, не всегда и не всем понятен. И школа – всмотритесь внимательно, и вы будете согласны с писателем, – тоже не очень-то готова к такому тру-

ду: готовить поколение двадцать первого века. Потому что в этом веке новое поколение опять окажется лицом к лицу с нелегким миром. Вспомним, что этот сюжет был развит в железниковском «Чучеле»; вообще, «Чучело» и «Чудак» внутренне очень связаны. В новом поколении должен возникнуть и укрепиться инстинкт «вожатого», а не потребителя. Чтобы оно, как шестиклассник Борис Збандуто, душой было устремлено к тем, кому нужна помощь. И тогда будут защищены и те, и другие.

...Многое заставляет задуматься, когда читаешь повесть. Но особенно обращаешь внимание на то, что Борис живет постоянно обостряющейся душевной жизнью. Он отзывчив, все время оценивает не только других, но еще больше – себя. И все более строг в этих самооценках. А ведь возникает порою у него соблазнительное стремление освободиться от всяких душевных «нагрузок», отгородиться от переживаний: «...как легко и прекрасно я жил... Я был гордый человек... А теперь я чувствовал, что меня словно подменили. Вроде я тот самый, и нос на месте, и глаза те же, а внутри другой». Вот о чем повесть: об открытии в себе *другого* и о том, как это нелегко!

Трудной жизнью живет наш «чудак». Многое он делает по наитию, не подумав, по простоте душевной. Но жизнь требует и от доброты умения, уместности, способности думать о последствиях. Вот именно: думать не о том, *какой* я добрый, а о том, *чем* эта доброта обернется для других. Словом,

непросто быть добрым, даже если эта доброта заложена в тебе («У тебя же настоящее призвание», – говорят ему. И ему же: «Честное слово, ты неуправляемый снаряд... Ты извини, я по дружбе...» – говорит ему бывшая старшая вожатая Нина.)

Вторая часть повести – «Женитьба дяди Шуры» – по-своему продолжает главные события. В первой части – мир во множестве отношений и событий, в толчее людей и обстоятельств. Во второй – завязывается еще более сложный узел трудных вопросов в себе и в других. Понять нужно и то, и другое. Перед Борисом – новая ступенька. Она ведет вверх, но с нее можно и сорваться. Борис переезжает с Арбата в Измайлово, расстается со старой школой и старыми товарищами. Правда, ему повезло: на одной площадке с ним в новом доме поселилась Наташа, с которой так много было связано в первой части. Но появилась и жена дяди Шуры – Надежда Васильевна. Общение с ней тоже стало нелегким испытанием. Обо всем этом вы, читатель, узнаете, вникая в события второй части.

Но вот о чем мне хотелось бы сказать особо, подумать вместе с вами. Здесь писатель впервые говорит о Борисе: «Ты закоренелый урбанист». УРБАНИСТ – еще одна важнейшая сторона современной жизни, которая творит человека и которую творит человек. Не забудем, что Россия в начале двадцатого века была преимущественно крестьянской страной. Так если всерьез думать о жизни поколения два-

дцать первого века, то нужно очень внимательно отнестись к слову «урбанист». Многие поколения русских людей в своем большинстве были людьми деревенскими. Но это – в сравнении с ГОРОДОМ – совсем другая жизнь! История в двадцатом веке, а особенно в начале двадцать первого века, все круто повернула. Жизнь учит «чудака» Бориса и нас всех во всех поколениях видеть жизнь по-новому. И в этой жизни все мы так или иначе «чудаки». Все меняется неожиданно, глубоко, бесконечно. Так что, милые читатели, всмотритесь в себя через увеличительное стекло судьбы Бориса Збандуто, дяди Шуры, Надежды Васильевны, Наташки и всех-всех вокруг – горожан, *урбанистов*. Все острее мы чувствуем, что живет Борис среди хороших, но *разных*, непохожих на него и друг на друга людей. Потому что это – город, это разные человеческие миры. Бориса спрашивает соседка: «А какие у тебя родители?» И ему нечего ответить, кроме «обыкновенные». А о чем они думают, когда молчат? И на этот вопрос у Бориса нет ответа.

Вот так своеобразно построена повесть: ее первая часть – деятельная, «событийная», там все время что-то происходит. Вторая – обращена вглубь, в душу, в мысли, в чувства. И «чудак» переживает еще одно открытие – мира природы. Надежда Васильевна среди прочего как-то сказала: «Как можно не любить цветов! Это все равно, что не любить землю».

Я вздрогнул от этих ее слов: жил в асфальтовом городском мире и никогда не думал о земле, о цветах, о деревьях, ко-

торые на ней росли.

Мне стало от этого не по себе...» И чуть дальше: «Теперь я жил в другом мире».

Надежда Васильевна не без основания говорит ему (а может, эти слова читатели могут принять и на свой счет?): «Ум у тебя не аналитический... Ты живешь, как получится». Что ж, она права: это не образ жизни *урбаниста*. Хотите знать, что такое городская человеческая личность? Да об этом еще в начале позапрошлого, девятнадцатого, века писал Пушкин: «Владею днем моим; с порядком дружен ум; учусь удерживать вниманье долгих дум...»

Путаницы в городской жизни очень много. Злой, обидной, нечаянной, себялюбивой... Но, попав в нее, *нужно понять и себя, и других*.

Думаю, что внимательный читатель откроет много нового и необходимого в книге Владимира Железникова. Но еще больше откроет в себе самом.

Напряжен, насыщен смыслом финал повести о «чудаке». Он требует медленного, вдумчивого чтения. Необходимое открытие дается нелегко самому Борису. Человек, который казался таким ясным, – Надежда Васильевна, – «все удалялась и удалялась от меня и превращалась из обыкновенного человека в недостижимую горную вершину, которая без конца манит к себе, но которую тебе никогда не дано покорить». Но все дело в том, что способ «покорять горные вершины» – внутри самого человека. Об этом много раз и по-разному

пишет Владимир Железников. И, дочитывая повесть, мы видим, что нелегко, порою мучительно, но это начинает у «чу-дака» Бориса получаться. И эта самая «вершина», Надежда Васильевна, наблюдательная и умная, сама первая говорит ему: «Боря... а ты вырос». Что значит «вырос»? Найти себя, владеть собой, действовать искренне в возникших обстоятельствах и значит «вырасти». Но дорога к себе и миру не знает конца. Вот заключительные строки повести. Казалось бы, «весь мир предстал предо мной в новом, совершенном виде...» И, «успокоенный», Борис пошел дальше своей дорогой.

Какая-то она будет?

«В ухабах, в ухабах, – как говорит моя дорогая тетя Оля, всемирно известная прорицательница, не лишенная педагогического чутья. – В ухабах, но жизнь все-таки прекрасна, надо идти вперед».

С этим нужно согласиться. А разве не так? Тем более, этот путь нужно пройти *поколению двадцать первого* века.

В. М. Акимов

Тетрадь с фотографиями

*Вандал, варвар, гунн! Но в отличие от них
на тебе лежит печать цивилизации нескольких
столетий! Может быть, ты считаешь, это не
имеет значения? Посмотрим, посмотрим...*

Из высказываний тети Оли в мой адрес

Эта история началась с того, что отец, уезжая в командировку, поручил мне купить подарок маме к дню рождения. Он оставил целых десять рублей, но, прежде чем удалиться, все же спросил:

– Надеюсь, ты меня не подведешь?

Я, конечно, успокоил его самым решительным образом.

Если бы с нами рядом была тетя Оля, то она обязательно сказала бы под руку: «Неистребим дух хвастуна!»

Это я-то хвастун?! Посмотрим, посмотрим...

Да! Вы же не знаете тети Оли. Это наша родственница и домашняя прорицательница. Она учительница литературы в отставке, ей уже за шестьдесят. Между прочим, большая благодетельница: уступила мне свою комнату, а сама переехала к сестре на другой конец Москвы. Получается, что она ничего, не тычет в нос своей добротой, как другие. Ну, отдала комнату и отдала и не напоминает. Но зануда! У-у-у, зануда номер один.

Она воспитывала меня с пеленок: говорят, запрещала писаться и плакать. И вроде бы ей удалось кое-чего добиться, но я думаю, это легенда, которую она распространяла сама. Не верится, чтобы я с моим характером поддался ей. Ни за что!

В общем, она умоталась, и слава Богу, потому что я не люблю, когда меня постоянно воспитывают. Иногда даже хочется сделать что-нибудь хорошее, но специально отказываешь себе в этом, чтобы не подумали, будто я поддался воспитанию. Хотя тетя Оля это делает хитро и незаметно.

Но меня не проведешь. У меня глаз наметанный. Я давно усвоил: главное в жизни – не поддаваться, а то погибнет всякая индивидуальность. А ее надо беречь.

Я, например, принципиально не собираю марки, потому

что в нашем классе их собирают все; плохо учусь, потому что у нас все учатся хорошо. Как-то я сострил на истории, что урок выучил, но отвечать не буду. Правда, за это меня выгнали из класса и вlepили единицу, а отец обозвал балбесом и кричал, что я значение слова «индивидуальность» понимаю шиворот-навыворот.

Хе-хе-хе, если бы тетя Оля услышала словечко «умоталась»! Вот бы подняла шум: «Что ты делаешь с великим русским языком? Это же святыня святынь! На нем разговаривал сам Пушкин!»

Но оставим тетю Олю в покое.

Так вот, заметьте: уже на следующий день после отъезда отца я собрался идти за подарком. Я не люблю откладывать важные дела в долгий ящик.

Только я вышел на улицу, как встретил своего лучшего друга Сашку Смолина.

– Ты куда? – спросил Сашка.

– Никуда, – ответил я. – А ты?

– И я никуда, – сказал Сашка.

– А у меня, – сказал я, – есть десять рублей, – вытащил папину десятку и похрустел перед Сашкиным носом.

– Подумаешь! – сказал Сашка.

– Да это же мои собственные! – возмутился я.

– Ври, да не завирайся. Вот чем докажешь, чем?

Мне надо было остановиться и ничем не доказывать, но хотелось добить Сашку, и я небрежно сказал:

– Пошли в кино.

И разменял папину десятку.

А через несколько дней раздался междугородный телефонный звонок. Конечно, это звонил отец. Он беспокойный тип: стоит ему уехать, как тут же начинает названивать чуть ли не каждый день. Когда он узнал, что мамы нет дома, то стал спрашивать про подарок. Я сказал, что уже кое-куда ходил и кое-что видел.

– А куда? – дотошно спросил он.

Я ответил:

– Естественно, в магазин.

– А в какой?

– «Все для женщин».

– Что-то я такого магазина не знаю, – сказал недоверчиво отец. – А ты, часом, не врешь?

– Я? Ты что?!

А мне понравилось название «Все для женщин». По-моему, прекрасное. А он так грубо: «Ты не врешь?» Недаром тетя Оля говорила про него, что недоверчивость мешает ему наслаждаться жизнью.

– А где он находится? – продолжал он допрос.

– На улице Веснина. Как свернешь, сразу по левую руку.

– Там всю жизнь была керосиновая лавка! – завопил папа.

– Ее снесли, – храбро ответил я. – И выстроили новый магазин.

Ну, а дальше в том же духе. Рассказал ему, как этот мага-

зин выглядит и что там продают, а цены, цены, — куда там с нашей десяткой! Тут мой папаша почему-то тяжело вздохнул и повесил трубку.

А жаль! Я бы ему еще многое порассказал, не дали мне до конца расписать прелести магазина «Все для женщин».

Между прочим, я потом сходил на эту улицу Веснина. Папа оказался прав: там был хозяйственный магазин, и это вызвало у меня большое разочарование.

На всякий случай я вошел в лавку и... почему-то купил там тюбик синей краски и кисть. Я бы не стал покупать, но в лавке никого не было, а продавец, сухонький зловредный старик, вцепился в меня хваткой бульдога и навязал.

Я думаю, он в этой лавке работал еще до революции, а в то время, как известно, была конкурентная борьба, вот он и научился всучивать. А я без привычки растерялся: ухлопал ни за что ни про что еще один рубль из папиной десятки.

Чтобы как-то успокоиться, я решил пустить краску в дело. Пришел домой и выкрасил свою кровать в синий цвет. Получилось красиво. А то кровать старая, облупившаяся.

Правда, когда я закончил красить, мною овладело легкое сомнение, что моя работа может не понравиться маме. Она вполне могла придрататься к тому, что синих кроватей не бывает. А почему, ответьте мне, почему не может быть синей кровати?

Мы встретились с мамой вечером. Нет, она меня не ругала, а просто, без всяких вступлений отвесила хороший под-

затыльник.

Не знаю, зачем применять в наше время такие забытые средневековые методы воздействия. Можно придумать что-нибудь пострашнее. Например, не подзывать к телефону, когда звонит Сашка, или выключать телевизор на самом интересном месте.

Рука у мамы тяжелая, она преподаватель физкультуры, гимнастка, после ее подзатыльников у меня голова по два часа гудит. Я проверял по часам. Как после посещения воздушного парада: ты уже дома, и тишина, и самолеты не летают, а в голове гул.

Тут, к счастью, зазвонил телефон.

Мама сняла трубку. Это звонила тетя Оля.

– Приезжай, полюбуйся, что наделал твой любимец! – кричала мама. – Он выкрасил кровать в синий цвет. Может быть, ты теперь скажешь, что у него тяга к живописи? «Не ограничивайте мальчика в фантазии (это она повторяла слова тети Оли, передразнивая ее), дайте ему простор».

Мама повесила трубку и посмотрела на меня. Она действительно была расстроена. С ума сойти, из-за какой-то кровати она готова была заплакать.

– Ну чего ты? – сказал я. – Из-за кровати...

– Да нет, – ответила она, – из-за тебя. Растешь балбесом.

– Я обязательно исправлюсь, – сказал я. – Честное слово.

Вот увидишь.

Мама безнадежно махнула рукой.

Эта безнадежность сильно меня огорчила. Я почти целый день об этом думал, но потом забыл. Московская суета!

* * *

Как-то мы тащились с Сашкой в школу из последних сил. И вдруг нас нагнала незнакомая девчонка.

Она улыбнулась нам, как старым знакомым, и сказала: – Здравствуйте, мальчики. Не узнаете? Я Настя Монахова. А я ее действительно не узнал, и Сашка тоже не узнал. Она училась с нами до четвертого класса, а потом на год уехала. Я внимательно посмотрел на нее. Она была Настя Монахова, но какая-то новая.

А мы только перед этим решили пропустить первых два урока и придумали, что сохрем, будто одинокой старушке стало плохо на улице и нам пришлось отводить ее домой. Мы даже записку написали от имени этой одинокой старушки и, чтобы наш почерк не узнали, писали в две руки: букву – я, букву – Сашка.

Это все я придумал, потому что такой случай был в моей жизни, но произошел он не в будний день, а в воскресенье, и я не смог им воспользоваться.

Правда, эта старушка жила в нашем доме, ее звали Полина Харитоньевна Веселова, но мы с нею раньше не были знакомы. А в тот день, когда я ее спас от почти неминуемой смерти, она пришла к нам с тортом на чаепитие и долго объ-

ясняла маме, какой я замечательный мальчик. Ну, и теперь мы написали записку ее словами, теми, которые она говорила про меня маме.

Я еще раз внимательно посмотрел на Настю Монахову и догадался, что меня в ней поразило: из мелюзги, замарашки она превратилась в настоящую красавицу. Вот что происходит с людьми, когда они долго отсутствуют!

И тут мне почему-то расхотелось пропускать уроки. И Сашке, видно, тоже, потому что он шел рядом с прекрасной Монаховой и помалкивал.

– А ты, Саша, по-прежнему учишься в музыкальной школе? – спросила Настя.

– Он у нас знаменитый флейтист, – ответил я за Сашку.

– Молодец, – сказала Настя. – А ты, Боря, чем увлекаешься?

– Я? Исключительно ничем.

– Ну и неостроумно. В наше-то время ничем не увлекаться!..

– Еще один воспитатель на мою бедную голову! – сказал я.

– Извини, – тихо ответила она. – Я не собиралась тебя воспитывать. Просто сказала то, что подумала. Мне тебя жалко стало.

Вот так она меня пригвоздила. А пока я ей собирался ответить, мы уже вошли в класс, и все ребята с любопытством набросились на Настю и оттеснили нас с Сашкой.

Мы сели за парту, но почему-то оба не спускали глаз с

Монаховой. Она нас просто околдовала. «Но посмотрим, попробемся, не на таких наскочила», – подумал я и тут же сделал все наоборот.

Дело в том, что в этот день меня назначили вожатым в первый класс «А». Об этом сообщила Колобок, то есть наша старшая вожатая Нина, которую прозвали Колобком, потому что она толстуха и всегда что-нибудь жует. И представьте, я согласился. Именно из-за нее, из-за Насти Монаховой.

Вот как все было. Влетает, значит, в класс Нина, дожевывая на ходу пирожок. Она у нас такая восторженная-восторженная и говорит всегда торжественно-торжественно, как будто выступает перед толпой.

Однажды, когда я учился в третьем классе, она вцепилась в меня, и не где-нибудь, а на улице, и воспитывала сорок минут.

Сашка в это время стоял в сторонке и ел мороженое. Ему в ожидании пришлось съесть три порции.

Чтобы отделаться от нее, я начал икать. Это очень хороший, испытанный способ. Она тебе слово, а ты в ответ «ик». Она сказала, чтобы я перестал. А я в ответ снова «ик». А потом Нина узнала, что это мой способ отделяться, когда воспитывают, и невзлюбила меня. И вот, когда теперь она мне заявила: «А я по твою душу, Збандуто», – у меня все внутри похолодело от предчувствия беды.

– Что это вдруг? – удивился я. – Вроде еще ничего не случилось.

– Случилось. – Нина загадочно-загадочно улыбнулась.

Настя повернулась в нашу сторону: это был немаловажный момент.

– Интересно, – тут же стремительно вступил в игру Сашка.

– Ребята, минуту внимания! – сказала Нина. – Во-первых, поздравляю вас с новым учебным годом!

– Уря-а-а! – закричал кто-то тоненьким голосом.

Я воспользовался тем, что Нина отвернулась, подмигнул Насте и сполз под парту.

– А во-вторых... – сказала Нина торжественным голосом.

После этого наступила тишина. Видно, Нина повернулась лицом к нашей парте, а меня нет, а я тютю! Сидел себе и похихикивал.

– А где Збандуто? – спросила Нина.

– Не знаю, – ответил Сашка. – Только что был тут.

В этот момент на меня напал чих. Я зажал рукой нос, сморщился и чихнул про себя, но не рассчитал и треснулся головой о парту. Гул пошел по всему классу. Ясно было, что теперь меня обнаружат.

И действительно, я увидел, что Нина лезет под парту. Я закрыл глаза и откинул голову на скамейку.

– Что с тобой, Збандуто? – участливо спросила Нина.

– Он сомлел, – сказал Сашка. – Здесь душно. Отвык за лето от школьной обстановки.

– Воды! – приказала Нина.

Я слышал, как кто-то услужливо побежал за водой и вернулся обратно. Потом этот кто-то приподнял мою голову и нахально ливанул полграфина воды мне за шиворот.

Тут я вскочил. Ну конечно, передо мной стоял Сашка. В руках у него был графин с водой. Он был очень доволен, потому что вызвал всеобщее веселье. Даже Настя хохотала. Поэтому, он унизил меня ради нее. Я бы на его месте так не поступил.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – спросила Нина участливо. – Получше?

– Ничего, – сказал я. – Только зачем же лить воду за шиворот? Разве нельзя было просто побрызгать в лицо?

– Хорошо, – сказала Нина, – в следующий раз.

Она надо мной издевалась.

– А теперь, ребята, я вам сообщу новость, – снова торжественно начала Нина. – Совет дружины назначил одного из вас вожатым в первый класс «А». – Она повернулась ко мне и объявила: – Бориса Збандуто.

И тут почему-то поднялся невообразимый шум. Все начали смеяться, а больше всех – мой друг Сашка. Каждый острил как мог, нарочно перевирая мою фамилию.

– Донато! Ха-ха-ха! – закричал Сашка. – Он научит их получать двойки.

– Бандито! Плакали деревья в школьном дворе!

– Надувато! Научи их лупить девчонок!

– Бить окна!..

– Играть в расшибалочку!..

Все ребята хохотали, и я тоже не отставал от них. Действительно, какой из меня вожатый!

– Ну, хватит. Посмеялись – и хватит! – серьезно сказала Нина. – Согласен, Збандуто?

– Нет, – ответил я. – У меня профессиональная негодность. Я от волнения заи... заи... заикаюсь.

Ребята снова засмеялись.

– То ты икаешь, – сказала Нина, – то ты заикаешься. Довольно валять дурака. Говори: согласен или нет?

– А что я буду с ними делать? – спросил я.

– Подготовишь в октябрюта, – ответила Нина.

– Будешь их сажать на горшки и вытирать носы! – выкрикнул Сашка и посмотрел в спину Насти.

Он явно хотел ей угодить. И тут она оглянулась и сказала те самые слова, которые и втянули меня в эту историю. Потом-то оказалось, что она просто пошутила.

– Что здесь смешного? – сказала она. – Это ведь серьезное дело.

На секунду наши глаза встретились, и я вдруг, к своему величайшему удивлению, услышал собственный голос, который произнес:

– Я согласен.

– Несчастный Надувато, мне тебя жаль! – Сашка корчился от смеха.

– Может, помолчишь? – спросил я. – А?

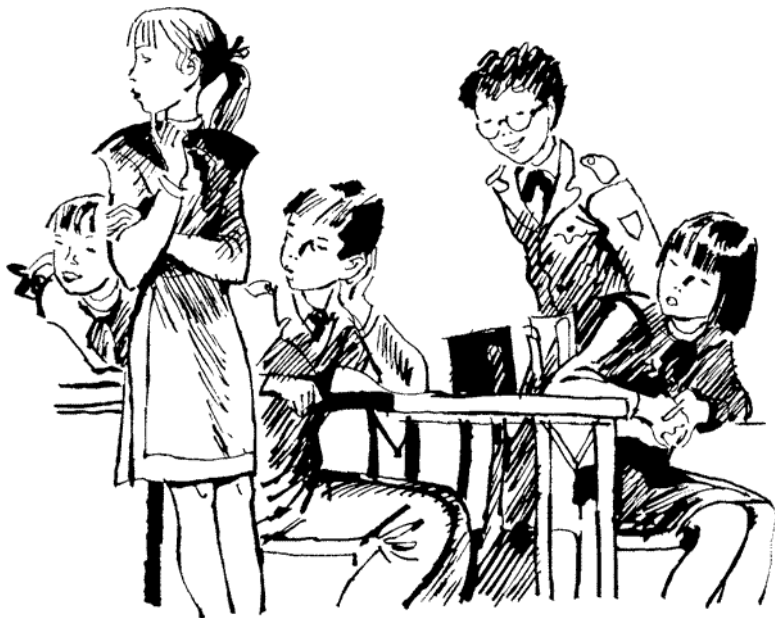
– Ну, вот и хорошо, Збандуто, – сказала Нина. – Мы знаем твои слабости, но доверяем. А ты должен оправдать это доверие.

– Можете на меня положиться, – громко ответил я и по-

бедно оглядел притихший класс.

– Подумай, о чем ты будешь говорить с ними на первом сборе. Для этого нужна какая-то находка, – предупредила Нина.

По дороге домой я думал о первоклассниках. Мы с ними понаделаем дел. Можно, к примеру, перейти на ускоренное обучение: за год – три класса. Вот будет пожар! Все обалдеют. Может быть, моим методом сможет воспользоваться наша школа или даже вся страна! А можно еще организовать для них учение во время сна. Они будут ночью спать и учиться, а днем гулять. Чем не жизнь?.. Идеи так и роились в моей голове.

Пусть теперь Н. Монахова скажет, что я ничем не увлекаюсь. Воспитать современного человека, подготовить его для жизни в двадцать первом веке — это поважнее, чем пиццать на флейте.

И тут меня осенило: надо для первой встречи произнести речь. Это будет та самая «находка», о которой говорила Нина.

Я вытащил на ходу из портфеля тетрадь и, остановившись, быстро написал: «Дорогие ребята, пионерская органи-

зация...» Дальше у меня почему-то не пошло, хотя сама находка показалась мне блестящей. И, не в силах сдержать радость, я побежал домой, чтобы рассказать обо всем маме.

* * *

Дверь мне открыла Полина Харитоньевна. С тех пор как я ее спас от неминуемой смерти, она зачастила к нам: пьет с нами чай или обедает. Ей нравилось, что из наших окон хорошо видно, кто куда пошел, кто что понес, кто как одет. Мама ее жалела и говорила, что в ней, в Полине Харитоньевне, сильны пережитки прошлого, что она из буржуазной среды. Конечно, ей ведь восемьдесят лет.

Вид у Полины Харитоньевны был испуганный, особенно в этом странном салопе, который она натянула на себя. А в тот момент, когда она открыла дверь, меня как раз снова посетило вдохновение, и я выпалил ей прямо в лицо продолжение своей речи.

– Дорогие ребята! – крикнул я торжественно-торжественно. Я теперь начинал понимать Нину. – Пионерская организация, известная своим благородством...

– Что-нибудь случилось? – спросила Полина Харитоньевна, отступая.

– Случилось, – ответил я.

– Что? – Полина Харитоньевна всего боялась.

– Меня назначили вожатым! – крикнул я и пролетел мимо

нее в комнату, чтобы записать продолжение речи.

Она вошла следом за мной:

– Вожатым? Тебя?

Я вырвал листок из тетради и быстро стал записывать речь.

– В первый класс «А», – ответил я.

– Ну, что ж, Бока, теперь ты должен будешь показывать пример другим.

– Не называйте меня больше Бокой, – попросил я, – я уже не маленький.

– Хорошо, – согласилась Полина Харитоньевна. – Может быть, пообедаешь?

– Нет, – твердо ответил я, – я буду сочинять речь... и развивать силу воли. Волевой человек может добиться чего угодно.

Я склонился к столу, потому что почувствовал, что меня опять осенило.

В это время хлопнула входная дверь. Пришла мама. Я выскочил ей навстречу.

– Мама! – закричал я. – У меня хорошая новость!

– Тише, тише, не кричи так, – попросила она.

– Меня назначили вожатым в первый класс, – с ходу перешел я на шепот.

Мама скептически поджала губы. До чего же все-таки взрослые скучный народ! Я думал, она закачается или хотя бы улыбнется. Ну ничего, когда она узнает, какие я задумал

дела, поверит в меня.

– Только не называй меня больше Бокой, – предупредил я и удалился в свою комнату.

Речь была написана, и теперь, нежно разглаживая эту драгоценную бумагу, я учил ее наизусть.

– «Дорогие ребята! Пионерская организация, известная своими славными делами, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам...»

Я перестал читать, подкрался к двери и приложил ухо к замочной скважине, чтобы послушать, что обо мне говорят мама и Полина Харитоньевна.

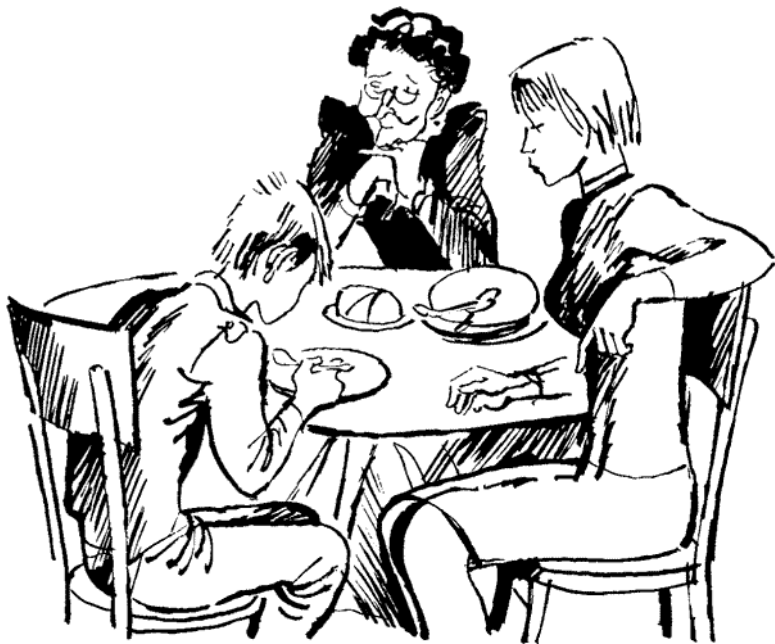
– Неужели исправится? – долетел до меня голос мамы. – Неужели возьмется за ум?

– А что вы думаете, – ответила Полина Харитоньевна. – Обещал развивать силу воли.

– Боже мой! – вздохнула мама. – Чего он только не обещал развивать: и силу воли, и память, и внимательность, и не лгать, и не драться, и, наконец, помогать мне!

Я решил напомнить о себе и прокричал в замочную скважину:

– Чтобы я закалил вас и подготовил нам достойную смену... – На слове «смена» у меня сорвался голос, и получилось не очень красиво.

Тем не менее я прильнул глазом к скважине: Полина Харитоньевна и мама были передо мной как на ладони. Представьте, они с аппетитом обедали, пока я страдал на благо общества. Я с возмущением открыл дверь.

— А, Бока, — сказала мама. — Может быть, все же пообедаешь?

— Опять «Бока»! — возмутился я. — Это, наконец, надоело. Но за стол я сел. От этой речи я здорово проголодался. После обеда я вновь вернулся к своей работе. Пробежал

речь глазами и остался доволен. Вот только нет в ней упоминания о мужестве. Вставил в нескольких местах слово «мужество».

– Борька! – крикнул кто-то за окном. – Збандуто!

Я узнал Сашкин голос.

«А-а-а, притащился! – подумал я. – Ну покричи, покричи. Только теперь мне не до тебя. Я занят серьезным делом, это тебе не этюды для флейты».

– Дорогие ребята! Пионерская организация, известная своим мужеством, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам, мужественным, мужественным... – продолжал я повторять одно слово, как испорченный проигрыватель, явно выжидая, позовет меня Сашка еще или нет?

Нет, не зовет. Неужели ушел? Предатель! Бросает друга в трудную минуту! Чтобы убедиться, что Сашка действительно предатель, я подошел к окну – мы живем на первом этаже – и открыл его.

Сашка стоял на своем обычном месте.

– Ну, скоро ты? – спросил он.

– Не мешай, – ответил я. – Я занят.

– А как же я? – удивился Сашка. – Что же мне делать в полном одиночестве?

– Действительно, – я посмотрел на его постную физиономию, – а как же ты? – и, не раздумывая, полез в окно.

От сквозняка совсем некстати распахнулась дверь, и мама с Полиной Харитоньевной увидели меня сидящим верхом на

подоконнике.

– Ты куда? – закричала мама. – А как же твоя речь?

– Ничего, – ответил я, – даже министры читают свои речи по бумаге, – и прыгнул вниз.

* * *

Через несколько дней, когда все ребята и я, между прочим, уже забыли, что меня назначили вожатым, в нашем классе появились две маленькие девочки. Все, конечно, тотчас уставились на них. Это ведь необычное событие.

А я в это время стоял на голове на спор с Сашкой. Стоял, поглядывал на Настю и болтал ногами. На этот раз победителем выходил я. Сашка отстоял до ста, а я пошел на вторую сотню. Между прочим, это полезно. Только учителя этого не понимают. Говорят – хулиганство. А как же йоги?

Да, наша дружба с Сашкой из-за Насти зашла в тупик. С ним творится что-то невозможное. Он преследует меня днем и ночью (во сне).

Сегодня мне приснилось, что он, Сашка, уже генерал и Настя выходит за него замуж. Я проснулся в холодном поту.

Каждый раз, когда я обращаюсь к Насте, его вечно розовое лицо с двумя спелыми помидорами вместо щек делается бледным, как у мертвеца. Насколько я понимаю, это ревность. Хорошо, что он мне приснился с нормальным лицом, а то я закричал бы и разбудил маму. Я всегда кричу, когда

мне снится что-нибудь страшное.

Чем это все кончится, не знаю. Из-за ревности и не такие люди погибали. Говорят, раньше многие из-за этого пускали пулю в лоб или сердце. Надеюсь, Сашка не последует этому глупому примеру. Я же изо всех сил старался облегчить его страдания. Вчера угостил его двумя стаканами сока на выбор, истратив еще шестьдесят копеек из бывшей десятки. Причем сам я выпил стакан чистой газированной воды за копейку!

– Чего вам надобно, крошки? – спросил Сашка.

– Нам нужен Боря З... – Девочка покраснела, ей трудно было выговорить мою фамилию.

А вторая ей помогла:

– Занудо...

Все только этого и ждали и сразу засмеялись. Я догадался, что это девчонки из первого «А», вскочил на ноги и стал незаметно вытеснять их из класса.

– Это я и есть. Только я не Занудо, а Скандуто, – переврал я свою фамилию.

– Извините, – сказали девчонки в два голоса. – Мы из первого «А». Вы наш вожатый. Мы вас ждем уже неделю.

К нам подскочил Сашка, загородил меня от девчонок и крикнул:

– Бегите, детки, он вас съест. Он Серый Волк! – Он дернул одну из них за косу.

Все стали хохотать еще больше.

Я подумал, что Сашка их сейчас доконает и они убегут, но тут вмешалась Настя и всю игру спутала.

– Перестаньте, – сказала она. – Борис, что же ты?

И действительно, мне стало стыдно. Что это я? Ведь я сам не люблю, когда над другими издеваются.

– Послушай, Красная Шапочка, – многозначительно произнес я, – мы же разговариваем, – отстранил Сашку рукой и сказал: – Я приду к вам. Сегодня. После уроков. Будет сбор. Я уже речь написал.

Вот так-то. Знай наших!

После уроков я заметил, что Сашка необычно быстро собирает портфель. Его поспешность мне была ясна, я видел, куда он косил глаза.

В это время Настя вышла из класса. Я выскочил следом за ней.

– Привет! – крикнул на ходу Сашка, обгоняя меня в коридоре.

Встретились мы на первом этаже около библиотеки.

Когда он увидел меня, то прикинулся, что ничего не видит, и хотел пройти мимо. А я, видно тоже от смущения, подставил ему ножку, и он растянулся во весь рост.

– Ты что, – взревел он, вскакивая, – обалдел? – и трахнул меня портфелем.

Я в ответ тоже. В результате у нас вышла настоящая современная дуэль. Из-за женщины, потому что каждому из нас было ясно, чего мы здесь околачиваемся.

А тут появилась и сама виновница нашего поединка. Она вышла из библиотеки.

– Чего это вы деретесь? – спросила Настя. – А еще друзья!

– У нас дружеская драка, – сказал Сашка, зло поглядывая на меня.

– Разминка после уроков, – поддержал я.

А в следующий момент произошло нечто неожиданное: в одном из классов открылась дверь, в нее просунулась голова какого-то малыша, который, увидя меня, издал оглушительный, победный клич:

– Ребята! Боря при-ше-о-ол!

Стремительно, как будто их выпустили из катапульты, из класса вылетела толпа детей и дикой ордой устремилась на меня. Они смотрели на меня с немым восхищением, как на бегемота в зоопарке. Через секунду Настя и Сашка оказались оттесненными в дальний угол.

Я криво улыбнулся. Я совсем забыл, что обещал к ним прийти, и смущенно сказал:

– Давайте пойдем в класс. Там мы будем в своей тарелке.

– Пошли в свою тарелку! – крикнул какой-то находчивый малыш.

– Пошли! Пошли! – загалдели остальные.

В классе ребята уселись за парты и притихли. На доске большими печатными буквами было выведено: «БОРЕ УРА!»

– Ну, это уж слишком, – сказал я и стер надпись.

Откашлялся, дрожащими руками разгладил на учительском столе листок с речью и начал:

– «Дорогие ребята! – Голос у меня был странный, дребезжал, как старый репродуктор. – Пионерская... организация... всем известная...»

Я легкомысленно оторвал руку, придерживавшую листок, а легкий ветерок, ворвавшись в открытую форточку, взметнул мою драгоценнейшую речь, унес с учительского стола и уронил на пол.

Я проследил за листком тупым взглядом, но поднять не решился.

– Пионерская организация, всем известная... – начал я наизусть и замолчал. Слова окончательно вылетели у меня из головы.

Мальчишка с первой парты догадливый оказался: поднял листок и положил передо мной на стол. А я, как заправский телевизионный диктор, который читает текст по бумажке, но делает вид, что совсем не читает, скосив глаза, быстро прочел:

– «...Пионерская организация, всем известная... – На секунду поднял голову, криво усмехнулся: «Повторение – мать ученья», и продолжал: – Своим мужеством, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам, чтобы я вас закалил и подготовил нам достойную мужественную смену...» – Я умолк окончательно.

– Ура-а-а! – закричал мальчишка с последней парты.

– Не надо, – сказал я.

Стало тихо и неизвестно, что делать дальше. Первоклашки преданно смотрели на меня.

– Ну, давайте познакомимся, – упавшим голосом сказал я.

На первой парте сидели девочки, которые приходили ко мне.

– Тебя как зовут? – спросил я одну из них.

– Стрельцова, – ответила она, вставая.

– Фамилий не надо, – предложил я. – По фамилиям скучно. Давайте только имена.

– Зина, – сказала Стрельцова и села.

– А меня Наташа, – сказала ее соседка.

У этой Наташи были круглые глаза, как пятаки, и эти пятаки не отрываясь следили за мной.

– У нас две Наташи! И обе дуры! – выкрикнул какой-то острослов с последней парты.

Мальчишки засмеялись, а Наташа хлопала своими пятаками. Видно, собиралась разреветься.

Я направился к этому острослову. Я угрожающе приближался к нему.

В классе стало тихо.

– Тебя как зовут? – спросил я.

– Генка, – ответил он.

– А сколько у вас Генок?

– Трое.

– Надеюсь, не все такие умные?

Ребята засмеялись, и острослов Генка тоже. А Наташа устала на меня свои пятаки и сказала:

– Нет, только этот... Костиков.

– Значит, ты Генка Костиков? – Я немного повеселел и спросил соседнего мальчишку: – А ты?

Мальчишка встал и, сильно смущаясь и краснея, прошептал что-то неразборчиво.

– Громче, – попросил я.

– Толя! – вместо него выкрикнул Генка. – Он у нас трус. Как девчонка.

– Тихо, тихо, – сказал я. – Храбрость дело наживное. Садись, Толя. – И повернулся к классу: – Продолжим знакомство...

И тут со всех сторон защелкало, как горох:

– Лена!

– Лена!

– Гена!

– Саша!

Они вскакивали и садились, как оловянные солдатики.

– Сима!

– Коля!

– Леша!

– Шура!

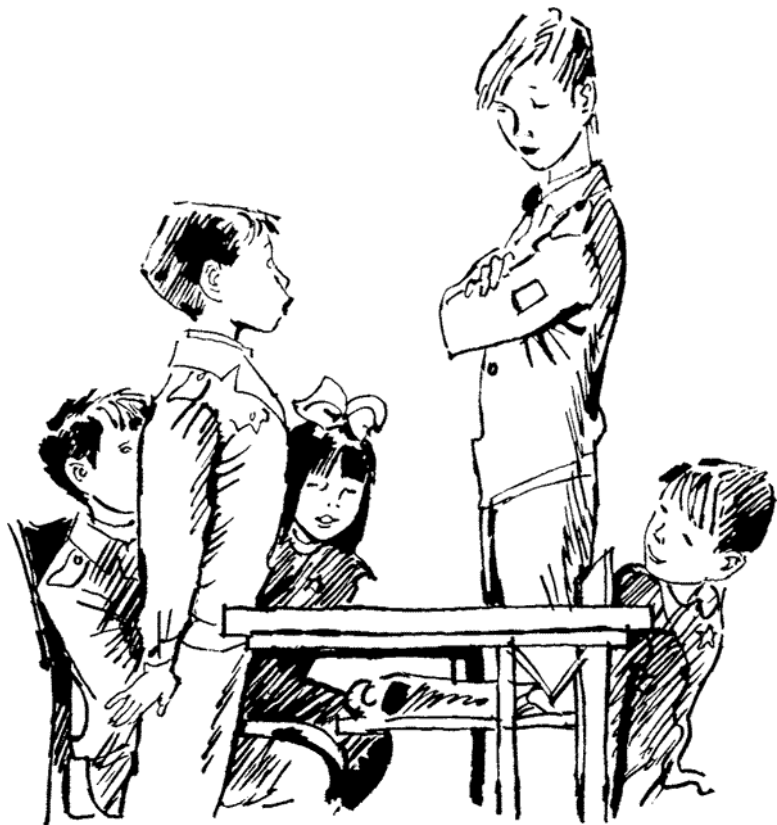
Сначала я пытался запомнить имена ребят и их лица, даже пальцы загибал, но вскоре понял всю тщетность этой затеи.

У меня от них голова пошла кругом. Они были ужасно

одинаковые, эти первоклашки. Все в форме. Все с белыми воротничками. Девочки – с косичками. Мальчишки – с челками. Да еще одно имя на двоих или троих.

– Довольно! – решительно прервал я этот поток имен. – На первый раз достаточно. Хватит!

Отошел к окну, чтобы сосредоточиться, и увидел, как Настя и Сашка пересекали школьный двор. Они шли рядом, и Сашка все время хохотал. Вероятно, рассказывал что-нибудь смешное про меня. Это его излюбленный прием. Надо было отделаться от первоклашек и догнать их.

– Вот что, ребята, – сказал я, – мы пойдем с вами в автоматическую фотографию. Там вы сфотографируетесь, тогда я вас по фотографиям и запомню.

Малыши завывали от восторга. Ужас, до чего они были вос-

торженные!

– А сейчас мы возьмем портфели и ранцы и дружно побегим домой. Только бегом до самого дома! Понятно?

Они, конечно, не поняли, что я просто решил сбежать от них, зашумели и дружно стали расхватывать свои портфели.

– Приготовились! – скомандовал я, делая незаметно шаг к двери, чтобы выскочить первым. – За мной!

Я сделал стремительный рывок, сильно толкнул дверь и на легких парусах покинул коридор первоклашек.

А они, эти несчастные, неумелые дети, рванули к дверям все одновременно. Ну, конечно, застряли, и получилась классическая пробка.

Ловко я от них отделался. Хотя, если совсем честно, мне было немного не по себе. Неинтересно их обманывать, они всему верят. Я представил себе, как они придут домой и будут рассказывать про меня и про то, что я собираюсь их вести в автоматическую фотографию... А я-то совсем не собирался.

Нет, пожалуй, надо. Свожу их в фотографию, раз обещал. Это было последнее, что я подумал о первоклассниках, ибо я увидел впереди Настю и она застила для меня весь мир.

Где-то рядом с ней, в полутумане, прыгал и корчился Сашка.

Мы играли в футбол. Шестой «В» на шестой «А». Я стоял в воротах, а Сашка был в нападении. Это была принципиальная игра, но дело не только в этом. Среди зрителей сидела Настя. Понимаете?

И вдруг слышу чей-то писклявенький зовущий голосок:
– Бо-ря!

Скосил глаза. О боже! Возле меня появилось милое видение: та самая первоклашка, у которой глаза как пятаки.

Я сделал вид, что не слышу. Нечего сказать, нашла подходящее время для душевной беседы!

Она снова окликнула меня:

– Бо-ря!

Я оглянулся, посмотрел на нее с диким удивлением, точно вижу впервые:

– Ты меня?

Она кивнула, представьте!

Я снова отвернулся. А она не уходит и говорит мне в спину:

– Я Наташа Морозова из первого «А».

– Ну и что? – спросил я.

– Там собака, – ответила она. – Я боюсь, а мне надо домой.

– Ты же видишь, я занят, – возмутился я.

– А я думала, – сказала девчонка, – ты меня проводишь.

От этих ее слов я чуть не упал, даже перестал следить за игрой и едва поймал мяч.

Нет, вы видели? У всех ребят детство – лучшая беззаботная пора жизни, а у меня каторга! В футбол не дают поиграть. Нет, нет, нет, меня на жалость не возьмешь! Я не буду жалостливым. Она испугалась собаки! Подумаешь! И если даже та ее немного покусает, ничего страшного.

Через пять минут мне стало ясно: она без меня никуда не уйдет.

В общем, я вынужден был попросить замену.

Не оглядываясь, я побежал к школьным воротам. За мной, еле поспевая, бежала Наташка.

Ну уж тут я высказался. Я ее пригвоздил, растер в порошок! Я сказал ей:

– Если ты боишься, пусть тебя мамочка встречает. Или папаша. Я в няньки не нанимался.

– У меня папа в Африку уехал, – ответила Наташка.

– Куда? Куда?

– В Африку.

– А ты хоть знаешь, где находится Африка? – спросил я.

– Конечно! – Она рассмеялась. – Я даже стихи про Африку знаю: «В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы...»

– И все? Больше ты ничего не знаешь про Африку? Ну и нечего врать.

Она вдруг остановилась:

– Я никогда не вру.

– Совсем? – выскочило у меня.

– Совсем, – ответила Наташка. – Я не умею.

– Не горюй! – Я похлопал ее по спине. – Этому я тебя научу.

– Зачем? – спросила Наташка, и ее глаза-пятаки превратились в воздушные шары.

Я засмеялся, не зная, что ответить. Действительно, глупо получилось.

– Я пошутил. Я сам никогда не вру, – сказал я.

И тут меня затрясло от смеха, потому что мы подошли к школьным воротам, а там прыгала привязанная на ремешке к изгороди собачонка на тонких ножках, с оттопыренными ушами.

– И ты ее испугалась? – возмутился я.

Протянул руку, чтобы погладить собачонку, но она неожиданно оцетинилась, зло залаяла и рванула поводок. Я еле успел отскочить.

– Вот видишь! – сказала Наташка. – Она кусается. – Взяла меня за руку и крепко прижалась.

– Ну ладно, африканка, – сказал я, – до свиданья.

– Спасибо! – крикнула девочка.

Я посмотрел ей в спину. До чего смешная! Ноги – как у африканского страусенка.

В это время подошел хозяин собачонки и стал отвязывать ее от изгороди.

– Между прочим, – сказал я громко, – здесь ходят маленькие дети.

– Учтем, – ответил хозяин собачонки.

Подошел троллейбус, Наташка села в него. Водитель поспешил закрыть двери, и ее портфель прищемило.

Я бросился на выручку: застучал кулаком по двери. Водитель снова открыл двери, и портфель плюхнулся на тротуар. Я подхватил портфель, прыгнул в троллейбус и позвал:

– Наташка, ты где?

– Я здесь, – ответила Наташка.

Водитель закрыл двери, и троллейбус тронулся.

– Все из-за тебя! – угрожающе прошипел я и сунул ей портфель.

Вскоре троллейбус остановился, я сошел, и она тоже сошла.

– А ты чего? – удивился я.

– Здесь мой дом, – сказала она.

– И ты пешком не можешь пройти одну остановку?

– На троллейбусе интересней.

– Интересней! – передразнил я ее.

Я здорово обозлился.

Я стал стягивать наколенники, а то на меня все оглядывались: они были натянуты поверх брюк.

– А твой дом где? – не унималась Наташка.

– Там... – Я неопределенно махнул рукой и пошел.

– А можно, теперь я тебя провожу? – Она догнала меня.

– Нельзя, – ответил я. – Я возвращаюсь на футбол.

Конечно, когда я прибежал в школу, никакого футбола не было и все разошлись. Я уже собирался уходить, как вдруг вижу, ко мне подбегает Наташка.

– Ты чего вернулась? – спросил я.

– Я хотела узнать, чем кончилась игра, – сказала она. – Кто победил?

– Тоже мне болельщица! – возмутился я.

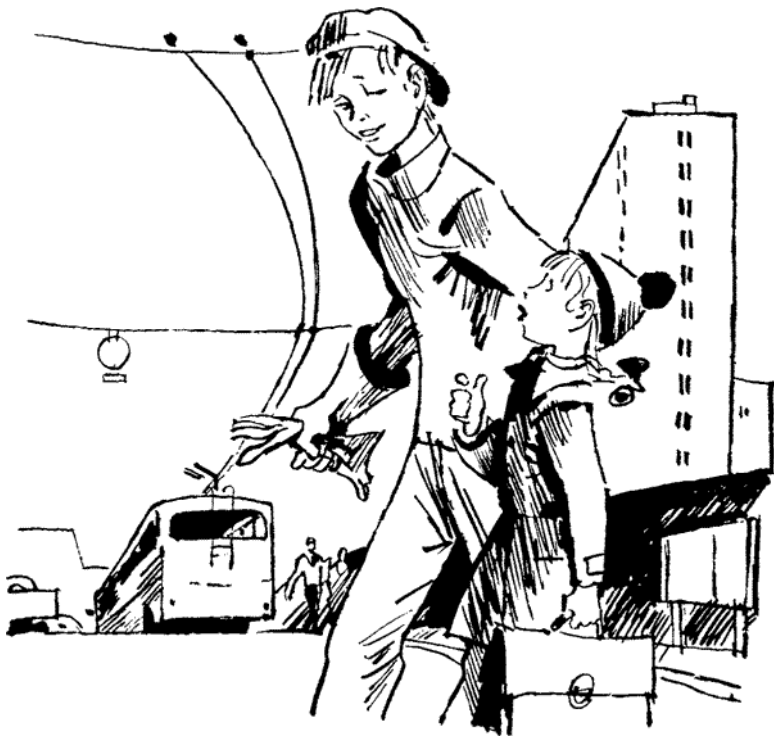
– Боря, а теперь можно, я тебя провожу?

– Провожай, провожай! – От нее нельзя было отделаться.

Домой мы возвращались вместе. Она оказалась смешной и симпатичной. С ней легко было разговаривать. Ее отец действительно уехал работать в Африку. Он врач. А матери у Наташки нет. Она умерла, когда Наташка была маленькой. И теперь они живут вдвоем с бабушкой, пенсионеркой.

Ну, тут я, чтобы поддержать разговор, сказал, что у меня тоже есть знакомая пенсионерка – тетя Оля.

– Пенсионерка! – повторила радостно Наташка и засмеялась.

Почему ей было смешно, я не понял. Не всегда ведь так сразу поймешь этих маленьких.

– Все пенсионерки смешные, – объяснила она. – В тот день, когда им разносят пенсию, они не выходят на улицу, боятся прозевать почтальона.

Правда она веселая. Она мне так понравилась, что я разменял еще один рубль из папиной десятки и угостил ее моро-

женным. Она его лизала медленно, чтобы растянуть удовольствие.

– Боря, – спросила Наташка (она все время поддерживала разговор), – а твой отец куда уехал в командировку? – Улыбнулась и добавила: – Тоже в Африку?

Шутница!

– Нет. В Сибирь. Он живет среди тофаларов.

– А кто такие тофалары? – спросила Наташка.

– Это маленькая народность в Сибири.

– Так это люди, – догадалась Наташка. – А я про них ничего не слышала. А что он там делает?

– Ищет метеорит в тайге. – Мне нравилась эта игра.

Она была неиссякаема на вопросы.

– А что такое метеорит? – спросила Наташка.

– Это небесное тело. Может быть, осколок далекой звезды.

– Осколок звезды! – восхищенно прошептала Наташка.

– Он летит к Земле со сверхзвуковой скоростью и так разогревается, что превращается в огненный шар.

– В огненный шар, – повторила она.

Все-таки я ее потряс.

Наташка подняла глаза к небу, надеясь увидеть в нем этот огненный шар, но увидела только солнце. Сощурилась – глаза у нее превратились в щелки – и спросила:

– Как солнце?

– Нет, – ответил я. – Он маленький. Я вижу, вас надо учить

еще да учить.

– Конечно, – согласилась Наташка. – Боря, а ты не знаешь, как спят африканские жирафы?

Ну и девица, что придумала! Я бы мог соврать ей или отшутиться, сказать: «Они спят, задрав кверху копыта», или: «Они спят на земле». Но я честно признался, что не знаю. И самое удивительное – мне самому понравилось то, что я сказал правду. Это было что-то новое во мне и подозрительное. Уж не заболел ли я?

В это время я заметил Сашку, стоящего возле нашего дома. В руках у него был мяч, он небрежно постукивал им об асфальт. Рядом, около стены, лежали наши портфели.

Я остановился и стал перевязывать шнурки в ботинках, а сам соображал, как отделаться от Наташки. Не хотелось бы, чтобы они сталкивались.

– Иди, – прошипел я, – тебе пора домой.

– Ничего, – успокоила меня Наташка, – я не спешу.

Тогда, все еще завязывая шнурки, я медленно повернулся к Сашке спиной, чтобы уйти.

Я даже прополз несколько шагов на четвереньках, и так, может быть, я бы полз через весь двор, но неожиданно передо мной выросла стена в виде Сашки.

– Ну что? – спросил я беззаботным тоном, делая вид, что Наташка вроде бы не со мной. – Зайдем ко мне?

Собственно, если бы он ответил мне сразу, ничего и не произошло бы, но он так долго обсасывал свой леденец, как

будто это было самое важное занятие в мире.

Он сосал леденец и презирал меня. Щеки у него были пунцово-малиновые, и поэтому особенно контрастно выделялся синяк под глазом, который кто-то ему поставил во время игры.

И вот тут-то нетерпеливая Наташка вполне дружески во-
рвалась в нашу беседу.

– Какой у вас синяк! – сказала она и заботливо добавила:
– Вам надо к врачу.

Сашка ей ничего не ответил и стал кричать, что они про-
дули игру из-за меня, потому что я поставил в ворота раз-
мазню, что я совсем в последнее время ошалел, что ему про-
тивно со мной разговаривать, что я предатель.

– Так вы проиграли, – разочарованно сказала Наташка.

Сашка секунду помолчал и, не поворачиваясь к ней, не
вытаскивая изо рта леденца, едва разжимая губы, процедил:

– А ну валяй отсюда, шмокодавка!

Наташка посмотрела на меня, ждала, видно, что я за нее
заступлюсь. А я сказал:

– Иди, иди! Тебе пора.

Она повернулась и пошла, медленно так пошла, – может,
думала, что я все же ее окликну.

Глупо, конечно. И со стороны может показаться смеш-
ным. Подумаешь, проиграли в футбол! Но я-то знал, что этот
проигрыш для Сашки большое несчастье. И чтобы как-то его
успокоить, кивнул в спину удаляющейся Наташки и сказал:

«Вот привязалась!» – но не рассчитал и произнес эти слова слишком громко.

Наташка услышала и, не веря своим ушам, оглянулась. Глаза у нее снова из пятаков превратились в воздушные шары. Два голубых воздушных шара.

Может быть, она с таким предательством никогда не стелкивалась. Только что были верными друзьями, рассказывали друг другу биографии, ели мороженое, смеялись, и на тебе!

И тут я увидел, что на Наташку движется какая-то гигантская собака. Не собака, а буйвол! Я догнал ее и сказал:

– Спокойно. Я здесь.

Она радостно схватила меня за руку, прижалась и ответила:

– А я с тобой, Боря, даже собак не боюсь.

Вот здорово! Значит, она не обиделась. Действительно, чего на меня обижаться? Подумаешь, что-то не так сказал. Важно, что сделал.

– Портфель забыл! – крикнул Сашка.

Я вернулся за портфелем. Когда я подбежал, он расшнуровывал мяч. Я ждал, что он мне еще скажет, а он нахально выпустил воздух из камеры мне в лицо и сказал:

– Воспитатель! – взял портфель и удалился.

– Да ты не волнуйся, – жалким голосом крикнул я ему вслед, – мы их обыграем!

Он не откликнулся.

– Спасибо за портфель, – не сдавался я.

Вот что меня губит, так это жалость и то, что я эмоциональный человек: не раздумывая совершаю разные поступки. Мне бы сейчас надо было перетерпеть, не бросаться Наташке на помощь, а я не выдержал.

А ведь мне Сашка дороже, чем она. У нас одна жизнь, одни идеалы. Нам вместе жить да жить. А эта пигалица уже стояла опять около меня. Треснуть ее, что ли, по макушке, чтобы отделаться раз и навсегда? Я поднял руку для щелчка, но снова натолкнулся на ее доверчивые, прямодушные глаза и, вместо того чтобы ударить, обнял за плечи.

* * *

В этот день я прибежал в школу раньше обычного. В портфеле у меня лежало заявление о том, что я ухожу в отставку с высокого поста вожакого, поскольку это мешает моей личной жизни.

И действительно, эти первоклассники одолели меня окончательно. Они мне не дают ни вздохнуть, ни охнуть. Вчера, например, притащился Толя. Лицо серьезное, глаза жалостные. А мы в классе были вдвоем с Сашкой. Сидели на парте и тихо обсуждали проблему Насти.

Дело в том, что накануне Настя и я совершили незабываемую прогулку. Мы бродили по улицам, сидели на скамейке на бульваре, плевали с Крымского моста в воду, за что были обруганы прохожим «верблюдами», выпили две бутылки

лимонада и съели по три эскимо.

Правда, мне это дорого обошлось, я истратил еще один папин рубль, но зато было весело.

Теперь придется купить маме подарок поскромнее. В конце концов, дело не в дорогом подарке, а во внимании.

А Сашка, когда узнал о нашей прогулке, покрылся страшной бледностью. Эта бледность так долго держалась у него на лице, что я испугался за его здоровье. Вот ревнивец!

Но я открытый человек и не стал скрывать от Сашки свои истинные намерения, а предложил ему начать генеральную битву за Настю. Мы решили оба за ней ухаживать под покровом полнейшей тайны – это было непременно Сашкино условие, – пока она не полюбит кого-нибудь из нас. Победенный гордо удалится.

Ну вот, сидим мы, значит, и шепчемся о Насте, и вдруг входит Толя. А Сашка как раз расспрашивал меня во всех подробностях о нашей прогулке, ему интересно. И поэтому когда он увидел Толю, то закричал на него. А я вскочил на подоконник и стал открывать форточку, будто бы чтобы проветрить класс.

Я подумал: может быть, Сашка его выгонит, но уже через секунду почувствовал, как кто-то тянет мою штанину. Ах, так? Ну пожалуйста! Я спрыгнул с подоконника, вытащил заявление и поднес к Толиному носу. Он мне ответил, что такие буквы читать не умеет. Тогда я ему объяснил, что не буду больше у них вожатым, потому что это мешает моей

личной жизни.

Он это выслушал, но не ушел. Стоял, как-то странно сжавшись, засунув руки глубоко в карманы.

– Ну, что тебе? – спросил я.

– По секрету, – тихо ответил Толя.

Я нагнулся к нему, меня опять подвела жалость, и он, прижав губы к моему уху, прошептал свой секрет. Оказалось, он не умеет сам застегивать брюки. Я же говорю, с ума сойти можно от этих младенцев! Хотел ему тут же застегнуть брюки, но он кивнул на Сашку.

– Сашка, – попросил я, – выйди на минуту.

Сашка долго кривлялся и не хотел выходить, а потом вышел и, видно, рассказал нашим ребятам, потому что именно в тот момент, когда я застегивал Толе брюки, появилась Настя.

– Боже, – пропела она, – какая трогательная картина! Збандуто, ты просто создан для работы в яслях.

Я вскочил и стал подталкивать Толю к выходу, а он, наивная душа, решил мне помочь и сказал Насте:

– Там петельки маленькие. У меня ничего не получается. Вот тут уж начался хохот.

Между прочим, во время нашей прогулки с Настей выяснилось, что она, как и Сашка, считает, что нет в мире более скучного занятия, чем возиться с первоклассниками. Мне это показалось странным: ведь когда меня назначали вожаком, она говорила противоположное. Оказалось, тогда она

шутила! А я на эту шутку клюнул и теперь жестоко расплачивался.

В общем, только я отделался от Толи и показал Насте свое заявление и она меня похвалила и сказала, что я решительный человек, как прибежала Зина Стрельцова, тоже, естественно, первоклассница, с криком, что Генка Костиков убивает Гогу Бунятова и вот-вот выбросит его в окно.

Ну конечно, я понимал, что ничего страшного в этом нет, когда мальчишки дерутся, и даже если какой-то Генка выбросит какого-то Гогу из окна, тоже ничего не случится – они ведь учатся на первом этаже.

Но потом я почему-то не вытерпел и незаметно выскользнул из класса, чтобы Сашка и Настя не догадались.

И представьте, не зря. Когда я прибежал в первый «А», то Генка Костиков на виду у всех продолжал дубасить неуклюжего толстяка Гогу Бунятова. Тот, видите ли, обозвал Генку «дворником», потому что он помогал матери подметать улицу.

По-моему, Генка лупил его за дело, и поэтому я растащил их не сразу, а когда Гога стал уж очень вопить.

– Что же ты? – сказал я Гоге. – Разве не знаешь, что все люди равны?

– Знаю, – ответил Гога. – Он первый начал дразниться «толстяком» и хлопнул меня по животу. А я крикнул на него без злобы, а он стал меня дубасить.

Тут мои воспоминания были прерваны, потому что в пи-

онерскую комнату, в которой я сидел и ждал Нину, чтобы вручить ей заявление об отставке, вошла Наташка.

Я подскочил на стуле и сказал себе: «Осторожно, преследование продолжается». Тем более что за Наташкой бочком протиснулись Толя и Гога.

– Привет! – изображая радость, сказал я.

Они недружно ответили. Конечно, они пришли из-за меня

к Нине, а тут я, собственной персоной.

– Ты Нину ждешь? – спросила находчивая Наташка.

– Нину, – ответил я. – А что?

– Ничего, – ответила Наташка. А у самой голос задрожал, но она все же нашла в себе мужество сознаться: – И мы к Нине.

Они стояли рядком, напротив меня, и не знали, что делать.

– Садитесь, – сказал я. – Будем ждать вместе.

– Конечно, – сказал Толя. – Вместе всегда веселей. – И взгромоздился на стул.

Наташка с Гогой тоже сели.

Помолчали.

Они за мной следили исподтишка, но я все прекрасно видел: как они переглядывались, как ободряли друг друга, как подталкивали для беседы.

– А у меня зуб больше не болит, – сказал Гога.

Дело в том, что я его вчера водил к зубному врачу. У них там дома все были заняты. Я хотел спросить у Гоги, отчего это он так вопил у врача, потом решил, что при всех не стоит.

– Боря, а как ты думаешь, Нина скоро придет? – спросила Наташка. – А то я сегодня дежурная.

– Не знаю, – ответил я.

Я стал их рассматривать, и под моим взглядом они перестали подталкивать друг друга – сидели не шевелясь. До чего же у них были смешные лица! Нет, правда. Вы когда-нибудь

попробуйте всмотритесь в первоклассников. Это совершенно особенные люди. На их лица можно смотреть без конца. Они всегда живые: что на сердце, то и на лице.

– Боря, а может быть, ты передумал? – спросила Наташка.

– Ничего я не передумал, – ответил я.

А сам действительно испугался, что могу передумать, и стал себя растравлять и вспоминать, как я из-за них был неоднократно унижен. Они из меня сделали няньку: и брюки я им застегивал, и к зубному врачу водил. А вчера еще в добавление ко всему пришлось зашивать Наташке платье: она его разодрала на одном месте, села на гвоздь.

Тут я почувствовал, что погибаю, ибо все эти воспомина-ния не вызывали во мне ни протеста, ни негодования. Я вскочил, чтобы обратиться в бегство, но Наташка, хитрая душа, все поняла и тоже вскочила.

– Ты куда? – спросила она и загородила мне дорогу.

В это время, на мое счастье, в комнату вошла Нина, и я протянул ей заявление. Все произошло в одну секунду, никто не успел опомниться, а Нина уже держала заявление в руке и читала.

– Так, – сказала она. – А вы чего, ребята?

Они промолчали.

– Ах да, – сказала Нина, она их узнала. – Идите, идите. Я сама разберусь. – Проводила до дверей и вернулась ко мне. – Так. Значит, работа вожатого мешает твоей личной жизни?

– Интересы у меня совсем другие, – ответил я.

– Знаю я твои интересы: в футбол гонять вместе со Смолиным.

– Неправда, – возразил я. – Мы в кино ходим, и книги читаем, и всякое прочее.

– Они сюда пришли из-за тебя, – сказала она, – а ты «всякое прочее», «мешают личной жизни»! Ты вот за все это время ничего для них не придумал.

– Почему? – возразил я. – Я придумал. Надо отвести их в автоматическую фотографию.

– Зачем? – Она посмотрела на меня с некоторым удивлением.

– Они там сфотографируются, а потом эти снимки можно будет наклеить в толстую тетрадь. Ты передай это новому водителю, – великодушно предложил я, – пусть он их отведет.

– А зачем? – снова спросила Нина.

Кажется, произошла осечка. Она ничего не поняла.

– Фотография автоматическая, работает без фотографа. Детям будет интересно: можно любые рожи корчить.

– Знаешь, Збандуто, хорошо, что ты подал заявление, – сказала Нина. – Нет в тебе гармонии. И выдумки твои нелепые.

– Так ведь они люди будущего, – сказал я. – Им технику и автоматику подавай.

Она не ответила, видно, забыла про меня. Склонилась над листом бумаги и чертила мужское лицо с бородкой.

– Так я пойду, – сказал я.

– А, это ты, – спохватилась она. – Ну ладно, найдем тебе замену.

А после уроков, когда мы с Сашкой заскочили в раздевалку за куртками, произошло новое событие. К Насте, которая прихорашивалась около зеркала, подошла Наташка. Я первый ее заметил и остановил Сашку. Мы спрятались между пальто. И услышали этот странный разговор.

– Ты чего, малышка? – спросила Настя у Наташки.

До нас долетало каждое слово.

– Мне с вами поговорить надо, – ответила Наташка.

– О чем? – спросила Настя. – Пожалуйста. – А сама продолжала прихорашиваться перед зеркалом.

– Вы слышали, от нас Боря уходит? – произнесла Наташка, как будто это какое-то космическое событие.

– Ну и что? – спросила Настя.

– А вы скажите ему, чтобы он не уходил, – попросила Наташка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.